ривающего последнего «на великое княжение».[85] После битвы 1445 г. под Суздалем многие московские феодалы, в том числе бояре, недовольные протатарской, по их мнению, политикой Василия II, переходили на сторону Дмитрия Шемяки.[86] И в то же время для Василия II явилась неоценимой та помощь, которую оказали ему его приверженцы, в том числе и бояре, в период его заточения в Угличе, а потом при освобождении Москвы. Так, боярин Василия II Федор Басенок, отказавшись от служения Шемяке, бежал в Литву и оттуда развернул усиленную борьбу против Дмитрия Шемяки.[87] Известны имена бояр Ивана Ощеры, Юшко Драницы, Семена Филимонова, Русалки, Руно и «иных детей боярских», участвовавших в заговоре с целью освобождения Василия II из заточенья. Верным слугой великого князя оказался и боярин Михаил Плещеев, помогший Василию II в 1446 г. в овладении Москвой.

«Пробоярскую» направленность разбираемого отрывка «Слова о житии», как нам представляется, надо воспринимать не как «политическую тенденцию, состоящую в защите притязаний старой феодальной знати», а скорее всего как обращение в трудные минуты жизни за поддержкой. В критическом положении, в котором находился во второй половине 40-х годов Василий II, желание привлечь к себе боярскую группировку было естественно. Именно потому в речи Дмитрия так подчеркивается любовное отношение его к боярам: «Вы же не нарекостеся у меня бояре, но князи земли моей». И в надежде получить за свою постоянную доброту к ним отплату, он просит своих бояр «послужить» его «княгине и чадом» и, что как нельзя более соответствовало моменту, когда писалось произведение, просит «во время скорби» не оставить их. «Ныне, — напоминает он им, — помяните словеса своя, еже рекосте ко мне во время свое: дължни есми тобе служа и детям твоим главы своя положити». Детей же своих он просит бояр «любить, честь им достойную воздавать», «противу служения их, без воли их ничего не творить».

«Ты же столп нечестья раздрушил еси в Руской земли и не примеси себе к безумным странам на крестианьскую погибель», — обращается к князю Дмитрию в конце похвалы автор «Слова о житии». Что имел он в виду, говоря о «столпе нечестья», якобы разрушенном Дмитрием, не вполне ясно,[88] но к Василию II это обращение имело отношение самое

---

[85] ПСРЛ, т. XXVII, стр. 103—104.

[86] Очерки истории СССР. Период феодализма, ч. II, стр. 263.

[87] ПСРЛ, т. XXV, стр. 266; см.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в., стр. 162.

[88] В конце XIV в. вопрос об унии между греческой и римской церковью поднимался. Правда, это было уже не при Дмитрии Донском, а в 90-х годах XIV в., вскоре после его смерти. Великий князь литовский Ягайло, став в 1386 г. польским королем и мечтая соединить православное население Литвы с католическим населением Литвы и Польши в церковный союз посредством унии с папой, обратился к константинопольскому патриарху о созвании собора для устроения соединения церквей (Е. Голубинский. История русской церкви, т. II. М., 1900, стр. 338). В этом его поддерживал московский митрополит (с 1390 г.) Киприан, ранее поставленный на митрополию в Киеве (бывшем под властью Литвы) (там же). Известно отношение к Киприану Дмитрия Донского, который после смерти митрополита Алексея не хотел принимать этого ставленника греческой церкви и несколько раз отказывался от его кандидатуры. Может быть, в своем желании упомянуть о событиях, несомненно важных в политической и церковной жизни Руси 40-х годов — действиях Василия II и русской церкви по отношению к подписавшему флорентийскую унию митрополиту Исидору, — автор «Слова о житии», подразумевая под «столпом нечестья» тот сговор, который существовал в конце XIV в. об унии с римской церковью, сознательно, за давностью лет, приписал его «раздрушение» Дмитрию Донскому: тот, с чьим именем в 90-х годах XIV в. был связан этот сговор — митрополит Киприан — был в 80-х годах выдворен Дмитрием Донским из пределов Московской Руси.